

Михаил Волконский

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Чёрный человек / М. Волконский. — М. : Т8RUGRAM.
— 204 с.

ISBN 978-5-519-61931-8

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) — русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

Герои романа «Чёрный человек», молодой дворянин и крепостная актриса, не только открывают для себя мир запретной страсти, но и становятся участниками цепочки таинственных событий. В усадьбе, где живёт героиня, происходит странное убийство, в расследовании которого помогает загадочный чёрный человек...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.....	5
Глава II.....	8
Глава III.....	11
Глава IV.....	14
Глава V.....	23
Глава VI.....	26
Глава VII.....	31
Глава VIII.....	36
Глава IX.....	40
Глава X.....	47
Глава XI.....	53
Глава XII.....	61
Глава XIII.....	65
Глава XIV.....	71
Глава XV.....	77
Глава XVI.....	83
Глава XVII.....	89
Глава XVIII.....	93
Глава XIX.....	101
Глава XX.....	108
Глава XXI.....	115
Глава XXII.....	123
Глава XXIII.....	129

Глава XXIV	140
Глава XXV	144
Глава XXVI	147
Глава XXVII	150
Глава XXVIII	157
Глава XXIX	163
Глава XXX	167
Глава XXXI	175
Глава XXXII	185
Глава XXXIII	189
Глава XXXIV	195
Глава XXXV	199

ГЛАВА I

С самой смерти Петра Великого почти сто лет правили Россией женщины. Наследовала Петру Екатерина I, супруга его; миновало кратковременное царствование Петра II, вступила на престол Анна Иоанновна; после нее недолго правила как регентша Анна Леопольдовна, ее сменила Елизавета, дочь Петра, а затем, после опять-таки короткого промежутка, когда на престоле был мужчина Петр III, стала править императрица Екатерина II, названная историею Великою.

Это почти столетие женского правления в России приучило «общество», то есть людей, близко стоящих ко двору, и людей, близко стоящих к этим людям, к мягкому снисходительному обращению, изнеженности и роскоши.

Придворные стыдились два раза показаться при дворе в одном и том же платье, а это платье, благодаря тогдашней моде расшивать его драгоценными камнями, жемчугом, шелками и золотом, стоило не десятки, а тысячи рублей.

Простые смертные, богатые помещики заводили у себя целые штаты, по образцу большого двора. Пройтись по улице пешком считалось неприличным, — требовался собственный экипаж, запряженный четверней или шерстеркой цугом.

Утонченность кухни достигла баснословных размеров, и поварское дело было возведено на степень искусства, как в Риме во время упадка его. Явились расточители, доходившие почти до безумия в своих тратах, иногда совершенно бесцельных и ненужных. Жарили, например, себе

жаркое не на дровах, а на корице. Сколько надо было сжечь этой корицы, чтобы блюдо было готово! Ванны себе делали не только из сливок, но и из земляники. Кружев на кафтан нашивали на десять тысяч рублей. Устраивали пиры, на которых на блюде подавались грудой бриллианты и алмазы, и гости брали их себе горстями. На воду кидали, — как дети кидают камешки, чтобы они прыгали рикошетом, — чистые червонцы и забавлялись этим. Крепостной челяди держали в хоромы многое множество не только для себя, но даже для собачек. Кроме этой челяди, при господах состояли приживалки, карлицы, арапки и арапчата, стоившие огромных денег. В конце царствования Екатерины дошло наконец до того, что гвардейские офицеры ездили по городу не иначе, как в каретах цугом и с муфточками.

В ноябре 1796 года скончалась императрица Екатерина, и на престол вступил император Павел Петрович, не юный уже летами, как были Петр II и Петр III.

Павел Петрович, будучи наследником престола, вел жизнь уединенную, удалившись из Петербурга в Гатчину, где у него были заведены свои строгие порядки. В своем гатчинском уединении, в котором он провел долгие годы зрелым уже человеком, он, видимо, много думал о государственном благоустройстве и готовился к будущей своей деятельности государя огромного русского царства. Живым свидетельством этому служит ряд указов, один за другим последовавших немедленно по восшествии на престол Павла Петровича. Нет, кажется, отрасли государственного хозяйства и управления, которой бы не коснулись эти указы.

Началась живая, деятельная работа. В войске быстро была введена дисциплина. Гвардейские офицеры оставили свои кареты и муфты и должны были являться на парад в мундире, по форме.

Конечно, это казалось тяжелым. Меры, принятые императором Павлом против роскоши и расточительности, явились для изнеженных бар того времени чем-то ужасным. Ограничение разгула было сочтено за ограничение свободы, но император продолжал требовать резкого изменения прежних условий жизни, подавая сам пример скромности и воздержанности.

Он хотел произвести ломку прежней жизни быстро и настойчиво, но общество, в течение столетия привыкшее к ней, противодействовало, подчинялось только по виду, и благие намерения Павла Петровича не приносили желанных результатов.

На ближайших помощников Павел Петрович был тоже несчастлив. Он не находил нужных людей, а большинство тех, на которых ему приходилось возлагать исполнение приказаний, исполняли их без должного разума, часто совершенно изменяя самый смысл их.

Так, с первых же дней царствования Павла Петровича у Зимнего дворца был поставлен ящик, куда всякий мог класть прошения на имя государя. Сделано это было для того, чтобы государю знать непосредственную правду. Однако этой правды многим пришлось бояться. И вот, чтобы уничтожить этот опасный ящик, были положены в него такие прошения и подметные письма, что пришлось действительно снять его.

ГЛАВА II

Вскоре после уничтожения ящика у памятника Петру I на Сенатской площади, у самой решетки, где стоял часовой, появилась женщина. Одетая она была прилично, даже богато, — в теплый меховой салоп и атласный капор, из-под которого выглядывало красивое личико. Появилась она у памятника и простояла целый день, с утра до вечера.

Часовому на посту не полагается разговаривать. Он не спрашивал женщины, но будочник, — или алебарщик, по-тогдашнему, — подошел и спросил, что ей нужно.

— Разве нельзя стоять? — скромно спросила она в свою очередь.

— Нет, стоять можно, — место здесь общественное...

— Ну, вот я и стою...

Что с ней было делать?

И на другой день тот же будочник опять на том же месте увидел ту же, одетую в хороший меховой салоп, женщину. Она стояла тихо, скромно...

И на третий день то же самое.

Будочник доложил околоточному, что вот третий день-де стоит у памятника Петру I женщина, никаких предосудительных поступков не делает, но стоит. Околоточный велел позвать его, если она придет и на четвертый день.

Женщина пришла. Будочник сбегал к околоточному, — тот явился к памятнику. Видит, стоит женщина, хорошо одетая, стоит смиренно, и спрашивает ее:

— Что вам угодно?

— Это, — отвечает она, — я скажу не вам, а только тому, кто постарше вас.

Околоточный не обиделся, потому что, во-первых, личико у женщины было хорошенькое, а, во-вторых, одета она была хорошо. Махнул он рукой, ушел, но, видимо, заинтересовался.

— А что, барыня у памятника стоит? — спросил он на другой день у алебарщика.

Тот ответил, что стоит.

Околоточный доложил тому, кто был чином повыше его, что появилась у памятника Петру I женщина. Тот тоже полюбозытствовал.

Так стояла эта женщина недели уже две. Доклад о ней наконец дошел до самого генерал-полицеймейстера.

— Прогнать! — приказал тот спервоначала.

Ему возразили, что прогонять не за что, так как женщина стоит, дурного ничего не делает, и притом личико у нее хорошенькое, а одета она прилично.

— Ну, хорошо, я сам съезжу, посмотрю! — согласился генерал-полицеймейстер.

Через несколько дней проезжает он мимо памятника, видит, как ему было доложено, стоит женщина в меховом салопе у решетки. Вышел он из саней, подошел к ней и спросил:

— Что вам угодно, сударыня?

— Это, — говорит женщина, поглядев на него, — я скажу одному только государю.

— Государя так нельзя видеть, сударыня, — отвечает он. — Ступайте домой.

— А разве нельзя здесь стоять? Ведь тут место общественное!

Генерал-полицеймейстер пожал плечами:

— Стойте, если угодно!..

Женщина опустила голову и осталась стоять.

Генерал-полицеймейстер велел в ежедневных рапортах между прочим доносить ему, стоит ли женщина у памятника Петру. Ему стали ежедневно доносить, что стоит.

Раз как-то случилось, что на докладе, когда государь был в хорошем расположении духа, генерал-полицеймейстер рассказал ему, что стоит-де у памятника Петру вот уже несколько времени женщина, прилично одетая, и хочет рассказать что-то, но только ему одному, государю. Государь велел привести ее к нему.

И вот однажды рано утром явился к памятнику генерал-полицеймейстер и нашел женщину в салопе на обычном ее месте. Он взял ее и сам повел во дворец.